18+

Владимир Вечфинский

Такая короткая длинная жизнь

Владимир Вечфинский

Такая короткая длинная жизнь

«Издательские решения»

Вечфинский В.

Такая короткая длинная жизнь / В. Вечфинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908526-9

Просто моя жизнь. Ее нельзя рассказать, ее нужно прожить. Пересказывать то, что написано смешно. Просто читайте. Любите жизнь, что вам дана.

ISBN 978-5-44-908526-9

© Вечфинский В.
© Издательские решения

Содержание

Детство 6
Юность 11
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Такая короткая длинная жизнь
Владимир Вечфинский

© Владимир Вечфинский, 2018
ISBN 978-5-4490-8526-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детство

Я родился! Кто я? И почему я здесь?

Первые смутные воспоминания о детстве, но скорее о младенчестве. Теплая вода, огромный отец, я захлебываюсь в мутной коричневой воде, надо мной поднимается гигантская белая стена. Отец вытаскивает меня за шиворот из моря-океана. И вот я снова на свободе…

Это было на реке Клязьма, в городе Вязники. Белая стена – это борт речного трамвайчика, а отец меня вытаскивал не из моря-океана, а из обыкновенной, но глубокой лужи.

Позже уже что-то осмысленное. Пожалуй, вспомню эпизод из моего детства, о котором мне рассказывала мать.

Мне было пять лет, когда я получил первую серьезную травму: я споткнулся, пролетел пролет лестницы и ударился лбом о ребро батареи отопления. На всю жизнь у меня остался шрам. И было это в славном городе Северодвинске. В дальнейшей своей жизни я, как и любой человек, особенно мужского пола, получал немало травм. Довольно многие из этих травм происходили при столкновениях моей головы с различными неодушевленными и даже одушевленными предметами. Мать шутила, что я потому такой умный, что из моей головы выбило всю дурь. Хотя, если послушать бывшего боксера и мэра Киева Виталия Кличко, то должно было быть наоборот. Его мозги, благодаря многочисленным взбалтываниям на ринге, выплеснули большую часть ума.

Можно считать Северодвинск городом моего рождения. Я родился в небольшом городе Вязники Владимирской области, не слишком далеко от Суздаля (Два часа езды вдоль берез и елей по колдобинам разбитой всмятку дороги на старом автобусе). Между прочим, когда я получил новый паспорт (в 25 лет), в графе «место рождения» была указана Влодимирская область, хотя я получал его в Ярославской области. В «последнем» паспорте (в 45) уже была Владимирская область. Почему я говорю о Северодвинске как о месте своего рождения? Очень просто, меня перевезли туда в месячном возрасте. **o**

В пять лет я осознал, что материальная жизнь конечна. В некоторых религиях считается, что человек начинает осознавать себя как личность, когда понимает, что не вечен. До сих пор я помню: стою у колен деда, смотрю в низкое окно на солнечное небо, по которому бегут редкие облачка, и реву. Небо будет, облака будут, все будет, а меня не будет. Спустя годы я узнал и понял много нового, но об этом слишком сложно и долго писать…

До 12 лет почти каждое лето я с родителями проводил в Вязниках у деда и бабушки. Мой отец всю свою жизнь был актером. Мать – или помощником режиссера, или инспектором сцены, но в молодости она иногда играла в спектаклях.

Не раз мы ездили в Киев, где жила тетя Ира, родная тетя отца.

В то время актеры часто меняли театры, иногда почти каждый театральный сезон. Я плохо помню: после Северодвинска мы недолго были в Забайкалье (Улан-Удэ). Несколько месяцев родители работали в драмтеатре в Армавире (Северный Кавказ). Это одно из самых худших наших воспоминаниях. Денег почти не платили, жили втроем в комнатушке 2 на 3 метра. Отец, чтобы жить, продавал книги из нашей библиотеки. Одно только было приятным: в нашем дворе летом были открыты двери кинотеатра, и мы, пацаны, бесплатно забирались в кинозал. Млели, смотря редкие зарубежные фильмы. Я влюбился в океан в документальном фильме Жака-Ива Кусто. Позже я читал его книги. В летнем кинотеатре я посмотрел художественные фильмы «Насреддин в Бухаре» и «Насреддин в Ходженте», поставленных по книге Соловьева. В будущем Насреддин сыграл определенную роль в моей жизни.

Но потом мы переехали в Воркуту. От Воркуты у меня остались очень хорошие воспоминания. Да, длинная и сурова зима. Да, почти полярная ночь.

Но…

В Воркуте мы впервые жили в однокомнатной квартире, пусть она и принадлежала Воркутинскому драмтеатру, но это было не театральное общежитие. В Воркуте я научился неплохо плавать: там был отличный крытый бассейн. Было множество кружков, в том числе авиамодельный. До сих пор я помню запах свежей древесины и столярного клея. Родителям хорошо платили и давали два месяца летнего отпуска (север). В магазинах были все продукты. Летом гастроли по северным городам. Летали над тундрой, плавали по Печере. Летали на «Дугласе», самолете, оставшемся от Великой Отечественной войны. Помню первый полет с театральной труппой на гастроли. Самолет потряхивало на воздушных ямах над тундрой. Почти все актеры сидели с черными бумажными пакетами и «хвастались» в него своим завтраком. Я бегал по салону: на меня болтанка почти не действовала. Оказалось, что у меня неплохой вестибулярный аппарат, позже это подтвердилось во время плаваний, например, по Тихому океану. На гастролях в Сыктывкаре мы жили в гостинице на дебаркадере на втором этаже. Я прямо из окна ловил мелкую рыбешку из Печеры. В Сыктывкаре шел «заграничный» фильм-опера «Аида». Я не был поклонником оперы, но арии Аиды, Радомеса помнил долго.

Северное сияние я помню, но почему-то не отчетливо.

Первые свои деньги я заработал в Воркуте. Я учился в первом классе, но все свободное время, как и все театральные дети, проводил за кулисами театра. Я был театральным ребенком, знал пьесы, хорошо литературно говорил и прочее, и прочее. Для меня специально написали небольшой эпизод в одном очень известном тогда спектакле. Мне нравилось, когда меня снимали с уроков для выездных спектаклей по шахтерским поселкам. Однако в зимние каникулы мне иногда приходилось участвовать в трех спектаклях в день. Дело в том, что меня ввели в утренние и дневные детские спектакли «Старик Хоттабыч», где я играл арапчонка, слугу Хоттабыча, а вечером был занят в «Иркутской истории». В то время как мои одноклассники катались на лыжах, конька, санках, я днем бегал по сцене, таская за джином разнообразное барахло, и даже доставал из оркестровой ямы шахматные фигурки, рассыпанные в гневе моим повелителем (да не укоротится его борода!). Но я заработал свои первые деньги, которые мои родители вложили в покупку нашего первого черно-белого телевизора. Я до сих пор помню, как с восторгом тащил на санках этот телевизор. А рядом шли родители, и нам было здорово.

Хронический насморк я тоже заработал в Воркуте. Причем виноваты в этом были три мушкетера. Точнее, французский фильм «Три мушкетера». Вторая серия фильма, как тогда было принято, шла в показе через неделю после первой. Я искал родителей, чтобы получить 20 копеек на кино, а на улице была пурга, мороз, а я был без шапки. Кино посмотрел, но насморк остался со мной на всю жизнь.

В праздники катались на оленях, играли с маленькими белыми медвежатами. Запомнился один эпизод. Как-то раз по гражданской (учебной) тревоге население Воркуты попросили выйти в тундру. Помню, солнечный, не холодный для нас, день, я с пацанами, играл в тундре в виду воркутинских домов. Через несколько часов мы все вернулись домой. Только спустя много лет мне стало известно, что в тот день над Новой Землей (приблизительно на высоте 4 км) была взорвана водородная «Кузькина мать» Никиты Хрущева («Царь-бомба»). Большие начальники опасались, что воздушная волна от взрыва могла причинить Воркуте серьезные разрушения, поэтому население развлекалось прогулками по тундре. Сейсмическая волна, возникшая в результате взрыва, три раза обогнула земной шар, а звуковая волна, порождённая взрывом, докатилась до острова Диксон на расстоянии около 800 километров. Однако о каких-либо разрушениях или повреждениях сооружений не сообщалось. В Воркуте мы вообще ничего не ощутили, хотя были ближе к взрыву.

Помню один эпизод в Вязниках. Поздно вечером была жуткая гроза. Черное небо, непрерывный грохот и сверкание молний, а мне все это очень нравилось, я, как говорят сейчас, ловил кайф. Вылезал во двор, но бабушка и дед чуть не силком втаскивали меня в дом. Они сильно боялись. Один раз я видел интересную молнию: мы ехали в автобусе по широкому

полю, а молния прошлась от неба до земли пунктирной линией, словно кто-то прочертил для неё идеальную прямую.

Как-то я целый год я прожил в Вязниках. Квартира у деда и бабушки была на первом этаже двухэтажного дома, напротив метров через 30 был центральный базар. Стакан земляники стоил 10 копеек. В квартире было две печки: одна большая русская на кухне (я как-то мылся в ней), другая изразцовая в другой комнате. У деда была искалечена левая рука, он воевал на Великой Отечественной войне. Он раньше был членом КПСС, но его выгнали из партии: слишком по многому имел свое мнение. Но не посадили. Были какие-то ограничения, но я слишком многого не понимал: что понимает пацан возрастом до 12 лет.

Моя мать тоже воевала. Ушла на фронт в возрасте 17 лет ближе к концу войны. Училась в школе снайперов, была санитаркой. Участвовала в знаменитой атаке на Зееловские высоты. Дошла до Берлина, расписалась на Рейхстаге. Имела боевые награды, в том числе и медаль «За отвагу». О войне рассказывала мало. Но один эпизод я запомнил на всю жизнь. Наши войска взяли один город (не помню названия). В центре города стояли аккуратные немецкие виселицы. Рядом стояли тоже аккуратные виселицы… **детские**

Тетя Ира жила в Киеве на улице Коцюбинского. Потом, когда в конце 80-х годов, мы с женой (тоже Ирой) приезжали в Киев, тетя жила уже в новостройках в Дарнице на левом берегу Днепра. Тетя была полькой, как и мой отец. Правда, по-польски он не понимал ни слова. Родился и вырос в Киеве, учился в ПТУ, потом театральный техникум, потом театры в разных городах СССР, в том числе и в Белоруссии. Там ему собирались присвоить звание «заслуженный артист Белорусской республики», но он уехал в драмтеатр в Вязники, где и познакомился с моей матерью. Деды мои были из благородных (дворяне Российской Империи), владели немалой долей в сахарной промышленности Малороссии (сейчас часть Украины). И был бы после революции отцу каюк, но у него имелась справка о том, что его отец (мой дед) работал в красной артели или колхозе агрономом. Вообще-то дед окончил императорскую академию сельского хозяйства, но этот диплом отец никому не показывал. Вообще по линии отца были и князья и графы, так что я потомственный граф, а мои дети – графинчики. Отец только в семье говорил, что он сын обедневшего графа. Несколько лет назад меня нашли родственники из Кракова. К сожалению, сейчас у нас нет денежек для поездки в Польшу. Есть еще родственники во Франции, еще где-то, тетя Ира говорила, что и в Америке кто-то есть. Родственники из Кракова прислали нашу родословную с 1663 года. Родственников на сей момент множество, так что на чье-нибудь наследство можно не рассчитывать. В этом году в Краков из Франции приезжал их кузен. И фамилия у того кузена была «Vechfinsky».

В Воркуте мы прожили три года.

Однажды летом, в Вязниках на берегу реки Клязьма, где мы обычно отдыхали, возникли большие поля кукурузы. Искупавшись, наловив уклеек, плотвы и лещей, я проходил несколько метров и срывал свежие початки. Мы не предполагали, что кукуруза определит нашу дальнейшую жизнь. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев обожал кукурузу «царицу полей» и стремился продвинуть ее все дальше на север. Не знаю: причем здесь драмтеатр Воркуты, но его планировали закрыть. Отцу предлагали должность директора шахтерского дома культуры. По тем временам весьма достойная должность, но он сказал, что всегда был актером и уволился из театра. Чуть позже Никиту сняли, театр остался.

Мы собрали пожитки в железнодорожный контейнер и отправили его в Москву. Сами также отправились в столицу. В Москве существовала неофициальная театральная биржа (кажется, в парке им. Баумана). Сами жили в гостинице. На бирже отцу предложили место ведущего актера (иногда это неофициально называли героем-любовником) в Хабаровске. Деньги кончались, продали отличный по тем временам магнитофон. Но тут, на наше счастье на бирже оказался главный режиссер рыбинского драмтеатра Саранчук. Отцу предложили должность актера, матери – помощника режиссера и (обалдеть!) двухкомнатную квартиру.

Отец сказал, что хватит мотаться по стране, растет сын, Ярославская область – центр России и Рыбинск недалеко от Москвы. Так мы оказались на берегу Волги. В Рыбинске нам сначала предложили выбрать или квартиру на Волжской набережной (это сразу), или через три месяца в строящейся тогда улице им. Гагарина. Этот район считался (опять же тогда) очень перспективным. Конечно, это были «хрущевки», но в то время – шикарное предложение. Большая часть Рыбинска состояла из деревянных домов. Квартира на набережной была в запущенном состоянии, и ремонт надо было делать за свой счет. Отец сказал, что лучше сразу получить хату, чем потом. В дальнейшем этот выбор оказался правильным. До Волги метров 100—150 (я бегал купаться прямо в плавках), отличный приволжский парк, а в дальнейшем, когда Рыбинск застроили современными домами и магазинами, район, в котором мы жили, стал новым центром Рыбинска.

Я рос, учился нормально. Но практически на каждой странице моего дневника были замечания о моем поведении. Я был не хулиганом, нет, а чересчур непоседливым, плюс я на многое имел свое мнение. Родители насчет учебы меня не напрягали, хотя и были в курсе. Я много читал. Кстати, настоящие хулиганы относились ко мне, пусть будет – с уважением. Просто пару раз я с ними столкнулся, но была у меня особенность: если меня поставить в тупик, то я терял голову и не помнил после драки – как лупил и чем лупил, поэтому со мной предпочитали не связываться. Так что со шпаной у меня были, не скажу дружеские, но нейтральные отношения – они не трогают меня, я отношусь спокойнее к ним. Но вот, что интересно, та же позиция осталась к ребятам из начальства. Когда я работал в Рыбинской Авиационной Академии, по какому-то поводу прежний ректор вызвал меня и повысил голос, но, посмотрев мне в глаза, решил, что разговаривать лучше нормально.

Был записан в большую часть библиотек Рыбинска. Очень любил фантастику. С хорошими художественными книгами в книжных магазинах было туго, но если что-то путное появлялось, родители не отказывали мне в покупке. Они приветствовали мое увлечение книгами. Но требовали, чтобы я чаще бывал на улице. Хотя зимой я катался на лыжах по набережной Волги, обтирался снегом, а весной и осенью часто торчал во дворе одного из моих лучших друзей, в некотором смысле хулиганском. Маленький эпизод: как-то раз друг мой Колька поджег дымовую шашку и бросил ее в открытое окно учительской. Шашка застряла между рамами. Через минуту в учительской остался только дым. Учителя жадно хватали воздух на улице. Но виновника так и не нашли. Двор находился рядом со школой, в которой я тогда учился. Эта школа в то время располагалась в мрачном здании дореволюционной тюрьмы. Позже для этой школы построили новое здание, и она стала считаться школой с физико-математическим уклоном. Нас было четверо близких друзей. После восьмого класса мы с одни другом перешли в другую школу. Считалось, что там хорошо преподают астрономию, хотя я знал в то время больше, чем учитель. Двое наших друзей ушли в ПТУ.

Я записывался в различные спортивные секции, авиамодельный и радиоэлектронный кружки. Любил историю, палеонтологию. Хорошо знал истории древних Египта, Греции, Рима и т. д. У меня была шикарная книга о динозаврах. Вообще о фауне юрского, мелового и других древних периодов Земли я знал довольно много. Но главное, чем я увлекался – это физика, астрофизика, астрономия. У меня была довольно приличная подзорная труба и карты звездного неба. Часто наблюдал звезды. На городской олимпиаде по астрономии я занял третье место, но на областной (в Ярославле) был уже вторым. Правда, мои ответы обычно были нестандартными.

В спорте я был середнячком. Только в двух видах спорта я задержался надолго. В 1969 г. в Рыбинске открылся бассейн с плавательными дорожками по 50 метров. На то время это был (насколько я помню) лучший бассейн на Волге. Там я научился настоящему спортивному плаванию. Перед каждым соревнованием приходилось тренироваться до трех раз в день. Когда я отдыхал с родителями в Крыму в Мисхоре, отец сказал, что из всего нашего пляжа, а это

был пляж санатория дома отдыха работников ВТО (всероссийского театрального общества), я выделялся своим спортивным стилем плавания. Кстати, в этом доме отдыха я общался со многими известными в будущем актерами. Например, играл в бильярд с молодым Смирнитским. Невинный отдавил мне ногу, когда играли в футбол, и т. п. Каневский мне запомнился тем, что выходил из здания санатория в окружении женщин и с шампанским в руках. В этом доме отдыха впервые транслировался мультфильм «Бременские музыканты». Это было испытание фильма на актерах – актеры самые придирчивые критики. Фильм им очень понравился (а мне тем более).

У меня была простейшая кинокамера, работавшая от батарейки, и я много снимал. Например, прогулку на туристическом кораблике. Заснял и Ласточкино Гнездо и многое другое.

Документальные фильмы о гастролях Рыбинского театра, стройотрядах, просто о нашей жизни у меня сохранились завернутые в черную, светонепроницаемую бумагу. Кинопроектор для 16-ти миллиметровой пленки тоже имеется. В дальнейшем в экспедициях вел съемки уже на полупрофессиональную кинокамеру.

Как-то раз я поехал на морском туристическом кораблике вдоль побережья в Симеиз. У пляжа торчала огромная скала. Я видел, что с ее вершины прыгают в Черное море местные пацаны. Они прыгали «солдатиком». Довольно опасно, если прыгать с приличной высоты: при таком прыжке часто тело поворачивается и плоско шлепается о воду спиной или животом. Я забрался к ним. Вожак неприязненно глянул на чужака и сказал, что бы я прыгал вниз головой. Собственно, иначе прыгать я не собирался. Прыгнул простой «ласточкой». Ребятам понравилось, попросили прыгнуть еще. Вожаку это стало немного не нравиться. Я попрощался и удрал на подходившем корабле.

Довольно долго я занимался самбо. Я помню, что первоначально в данную секцию поступило 49 человек. Через два месяца осталось семеро вместе со мной. Кого-то отчисли (была очень строгая дисциплина), кто-то не выдержал интенсивных тренировок и т. п. Я далеко не был корифеем, но клуб самбо «Метеор» был одним из лучших в России. Из школы самбо я на долгие годы сохранил умение владеть своим телом. На всю жизнь я запомнил один из приемов, который мог пригодиться и на улице. Этот прием применил ко мне противник на областных соревнованиях, благодаря чему я проиграл в чистую. Прием я показал своему конкуренту по команде. Команда заняла призовое место. По плаванию и самбо у меня были какие-то разряды.

Забегая вперед, расскажу о своем спортивном «успехе» во время учебы в Рыбинском авиационном технологическом институте (РАТИ), как он тогда назывался. Сдавали нормы ГТО (готов к труду и обороне). Плавание я, конечно, сдал. Потом чем-то приболел, а может, сачканул, не помню. Но сдавать нормы надо. Я и мой приятель пришли к преподавателю. Тот был занят, дал нам секундомер, рулетку, … Короче все инструменты для измерения спортивных достижений. Мы, конечно, только погоняли мяч, а когда вернулись, то стали диктовать преподу цены на разные вина и водку, которые примерно соотносились с тем или иным видом спорта. В том году я перевелся в Ярославский государственный университет (ЯрГУ). Когда я уже учился в университете, мне сообщили, что за успехи в сдаче норм ГТО, мне присудили серебряный значок с вручением удостоверения. Приятель назвал не те цены и ничего не получил.

Однажды в нашем классе проводилась контрольная по химии. Я, с перепугу, решил ее, а потом оказалось, что это был отбор на городскую олимпиаду. Городская олимпиада по химии проводилась на кафедре химии нашего авиационного института. Согласно одному из заданий я чего-то смешал вместе, не слабо полыхнуло, загорелся лабораторный стол, и я быстро сбежал из аудитории. В дальнейшем я знал химию не больше, чем написано в школьной программе. Хотя потом и в институтской физ. химии немного понимал.

Юность

В 9-м классе я встретил свою будущую жену. Она сидела за партой, стоящей впереди моей. У нее был дурацкий темно-синий свитер с высоким «горлом», которое мне особенно не нравилось. Потом я увидел, что это «горлышко» только уродовало чудесную шейку. Но серьезно обратил на нее внимание только на новогоднем вечере в шикарном дворце нашего основного завода. В Рыбинске было много заводов, он считался закрытым городом. В главном, как сейчас говорят, градообразующем предприятии были производства, связанные со «Звездным городком».

Новогодний вечер был действительно хороший. Я, бессмысленно улыбаясь, болтался в танцующей толпе. Передо мной возникла чудесная девушка в светлом платье с простой, но чудной, прической, лучшей из всех. Оказалось, что это Ира.

Мы стали встречаться. На первом свидании мы смотрели шпионский фильм «Мертвый сезон». Я попытался купить билеты, но они были распроданы. Я запаниковал. Выручил отец. Он достал билеты на маленький балкон, который мы никогда не замечали. Как я сейчас понимаю, этот балкончик предназначался не для всех. Несколько недель мы расставались после свидания за пару кварталов от её дома. Тогда улица, на которой она жила, да и все дома района были деревянными. Заводила пацанов ее улицы не допускал меня к ее дому. Потом мне все это надоело, я заявил, что все равно буду ходить к Ире, чтобы они не делали. Короче, мне дали «допуск» и больше не приставали.

Был февраль, некоторое время я тайно мечтал, что летом я спасу Иру на Волге и поцелую ее. Это было старое время, и я рос в театре, в окружении романтических спектаклей. Но все оказалось проще и, не скрою, лучше. На одном свидании Ира попросила ее поцеловать. Я робко «чмокнул» ее в щечку.

Я до сих пор помню этот первый поцелуй…

Вот так мы и живем, зная друг друга скоро уже скоро 50 лет, иногда хорошо, иногда со скандалами. Разные, но неразрывные.

Летом театр выезжал на гастроли по городам европейской части России. После девятого класса, в 1969 году мы были во Владимире. Чтобы я не болтался просто так, родители определили меня на должность электрика осветителя. На некоторых выездных спектаклях в пионерлагеря владимирской области я один выполнял обязанности электрика. До сих пор помню лозунг при въезде в один из пионерлагерей: «Пионер! Люби Родину, мать твою!».

В дальнейшем, в путешествиях по стране я видел много разнообразных лозунгов. Но самый интересный был над проходной кирпичного завода: «Встретим коммунизм хорошим кирпичом!». Когда мы были в одной экспедиции, то, подъезжая к реке Кубань, уже издалека видели гигантские буквы, заслонявшие Кубанскую ГЭС: «Течет вода Кубань реки, куда велят большевики!». А этот всем известный лозунг, который выкладывался белыми камнями вдоль следования поездов: «Слава КПСС!». У многих возникал вопрос: «Славу Метревели знаю (был такой футболист), а кто такой Слава Кпсс?».

В то время не было компьютеров и прочей навороченной аппаратуры, и от электриков драмтеатра многое зависело для правильного и многоцветного освещения сцены. Тогда мы слышали о Битлахно достать их песни было практически невозможно, особенно на периферии. Тем не менее «радист» нашего театра сумел их найти. На заработанные мной на гастролях деньги я купил новый магнитофон. Радист не мог вынести из театра аппаратуру, поэтому воспользовался для записи Битлов моим магнитофоном. Он записал на самую большую тогда магнитофонную бобину (350 м) песни Битлов. Причем это были (совсем невероятно!) чистейшие по звуку записи. ,

А я все ждал писем от Иры. Влюблен был по самые уши. Когда пришло от нее первое письмо, в конце которого стояло невинное «Целую», пару дней ходил с идиотской улыбкой, а родители спрашивали: «Что с тобой».

В дальнейшем записи Битлов мы с друзьями использовали на новогоднем празднике. Решили придумать номер в новогоднем школьном карнавале. В театре я раздобыл парики, электрогитары и прочий «иностранный антураж». Главный художник театра нарисовал эмблему вокально-инструментального ансамбля «Joke» (шутка): лохматая улыбающаяся физиономия, а под ней скрещенные электрогитары. Поскольку в те давние годы советские школьники не столичных школ плохо знали английский и вообще что-то иноземное, поэтому весь этот антураж отлично смотрелся. Эмблемы закрывали динамики, закрепленные на уровне рта с обратной стороны широких ремней гитар. Динамики соединялись с магнитофоном. Учительница английского языка (только она была посвящена в нашу затею) объявила, что из-за плохой погоды самолет с зарубежной вокальной группы, следующей на гастроли в Индию (почему в Индию? Да по приколу), приземлился на нашем аэродроме, и школьная администрация уговорила известных певцов выступить в нашей школе. (В то время мы все были очень наивные и не понимали, что это полный бред).

Первая песня была «Любовь не купишь». Артикуляцию губ мы отрабатывали на домашних репетициях. Но в конце второй песни магнитофон «зажевал» пленку и нам пришлось открыться. Но веселье получилось отличным. Спустя много лет я удивился, что нас не наказали ни комсомольская, ни партийная организации.

И еще не раз записи Битлов помогали мне сдавать марксистко-ленинские предметы. Я подсоединил магнитофон к динамику телевизора и слушал речи Брежнева и остальных ораторов съездов КПСС под хорошую музыку. За экзамены по этим предметам я обычно получал стабильную «четверку».

Последний школьный Новый Год я, Ирина и приятель из нашего класса встречали на Украине. До Москвы мы ехали вместе, дальше Ира уехала в Луганск к родственникам, а я в Киев. Я ехал к тете Ире, а Игорь к знакомым ребятам. В Киеве я бывал не раз. Однажды я даже почти весь сентябрь учился в киевской школе. Меня только освободили от изучения украинского языка. Правда, в Киеве почти никогда (до нынешнего бардака на Украине) я не слышал украинской «мовы». Добавлю, в конце прошлого столетия я в очередной раз проезжал в Братиславу (Словакия) через Киев. Такой маршрут был вынужденным. Прямой поезд Москва – Братислава проходил через Чехию. В Чехии ввели визы, а в Словакии еще не успели. Визу мне брать было поздно, а срок начала международной конференции по геофизике подходил. Была середина июня. В Москве было холодновато (северный циклон). В Киев поезд приходил где-то в 6 утра. После московского холода в столице Украины стояла жара. Поезд Киев – Братислава отходил поздно вечером. Так что я почти сутки бродил по Киеву и не разу не столкнулся с киевлянами, которые говорили на «мове». Разговор всегда велся на обычном русском. Интересная деталь: я очень много ездил в разных поездах по СССР, но никогда до этой поездки не сталкивался с полчищами тараканов в вагонах. На морских судах тараканы бывали, но чтобы в поезде из одной столицы в другую! Не сталкивался.

Бессонная ночь, таможня, визжащие от тараканов женщины… Короче, спать хотелось неимоверно. На таможне я предъявил российский паспорт. Почему-то не хотел показывать загранпаспорт. Позвонил старому по школе приятелю, он русский, но работал в Киеве по продвижению комплектации деталей от нашего завода. Но он был в командировке. Я добрел до Крещатика. В восемь утра стали открываться кинотеатры. Забрел в ближайший, в зале был один. Поспать, мешал только фильм: когда я, всхрапывая, просыпался, то на экране кто-то кого-то бил. В общем, обычная голливудская фигня. Потом перешел в другой кинотеатр, там уже народ был. Но на экране опять кого-то лупцевали, так что мне хуже спалось. Но все же за пару фильмов мне удалось слегка выспаться. И вот Владимирская горка, Днепр, иску-

паться бы. Но… Деньги, документы, материалы докладов и прочее в сумке. Доверять Киевским ментам я уже тогда не рисковал. Зашел в Киево-Печерскую лавру. Рубли на гривны я поменял еще в Москве на Киевском Вокзале. К вечеру в столице Украины вступил запрет на обмен рублей на гривны. Пришлось поменять пару долларов.

Бродил до позднего вечера. За пару часов до отхода своего поезда, я забрел на запасные пути, нашел «свой» поезд. Договорился с проводником и улегся в своем купе спать. Утром мы проезжали приграничный городок Чоп. Уже тогда видна была украинская бедность. На привокзальной площади тусовался разнокалиберный народ: предлагали проезжающим пассажирам услуги. Вагона ресторана в поезде не было, а есть хотелось. У проводниц еда была, но дорого и сомнительного происхождения. А местные за небольшую мзду покупали в местных магазинах нормальную еду. Сам я отлучаться из вагона не рисковал. «Переобувание» вагонов (смета колес на европейскую колею) занимало несколько часов, но рисковать не хотелось. В общем, местный мужичок принес мне копченую курицу, консервы, хлеб и пиво.

Этот приграничный украинский городок разительно отличался от белорусских приграничных городов. В Белоруссии у поездов можно было купить практически любую еду, причем хорошего качества: горячую картошку, мясо, пироги, капусту, огурцы, помидоры, рыбу и т. д. и т. п.

Я уже писал, что тетя Ира, как и мой отец, были этническими поляками. Я уже тогда слышал от нее о Волынской резне.

Как уже говорил, после восьмого класса мой друг предложил перейти учится в другую школу, в которой хорошо преподавали астрономию, которой я очень увлекался и хотел поступить в Горьковский университет на соответствующую специальность. Но судьба распорядилась иначе.

На выпускном экзамене по литературе как обычно было три темы, две: «Что-то там о Базарове» и «Катерина в каком-то темном царстве». Третья тема была: «Человек, на которого я хочу быть похожим». Не знаю, кто что писал, но я написал, что хочу быть похожим не на Брежнего или кого-то в этом роде. Я написал, что хочу быть похожим на Ходжу Насреддина (герой туркменских и многих южных сказок). Причем умудрился вставить цитаты из Маяковского (которого я не любил) и Островского. Получил четыре. Через несколько лет я встретился с моей учительницей. Она рассказала, что мое сочинение ходило по школам Рыбинска и еще где-то. Думали: что поставить. Герой не типичный, но народный, ошибок почти нет, написано неплохо. Коллективно сошлись на четверке.

По окончании школы я поступил в Рыбинский авиационный технологический институт (РАТИ). Причем это тоже требует отдельного рассказа. Я хотел стать астрофизиком. Эта специальность была в Горьковском университете. Экзамены там начинались 1-го августа. Но сначала я поехал в Москву и подал документы в МГУ на физфак. Экзамены там начинались намного раньше. Поезд из Рыбинска приходил в Москву очень рано, и сначала я одиноко сидел на ступеньках физфака. Когда я после подачи документов вышел из здания факультета, то оказалось, что очередь из абитуриентов протянулась на сотни метров. Более двух недель я прожил в общежитии главного здания МГУ. Со мной в комнате жили ребята, которые окончили спецшколы. Они меня здорово «натаскали» по математике. На специальность «астрономия» конкурс был 12 человек на место. Так что мне с провинциальным образованием ничего не светило. Но вот очередной выверт судьбы. Мне предлагали поступать на геофизику. Конкурс – мене 2 человек. Я отказался, а потом основные свои открытия сделал, работая в Институте физики Земли АН СССР.

Однако за две недели жизни в МГУ я здорово повысил свой математический уровень. Примерно в середине июля я подал документы в МИФИ. Опять только для того, чтобы повысить свой уровень. С первого же экзамена меня выгнали за шпаргалки.

И вот тогда я и поехал в Горький (ныне Нижний Новгород), поступать в университет. В то время математику там сдавали в два этапа. Сначала был письменный экзамен. Весьма суровый. Из нашего потока (более чем 200 человек) пятерки получили только трое. Причем одним из них был мой сосед по комнате бывший студент одного из московских вузов, которого выгнали за аморалку. Четверок тоже было очень мало. Я получил 4. Это практически гарантировало 5 на несложном устном экзамене. И вот тут со мной произошло то, что за 2—3 секунды во многом определило мою дальнейшую жизнь.

Подошла моя очередь отвечать, но тут буквально передо мной, к преподавателю проскользнула девушка. В это время в аудиторию вошел молодой человек для помощи доценту. Как я понял позже, это был некий аспирант. Я попал к нему. В моем ответе было две ошибки: одна состояла в том, что я написал $\sin(x) \leq 1$, но забыл поставить знак модуля. Вторая была подобно первой ошибки, но уже не помню какая. Все остальное было правильно: и теория и решение примеров. Я прекрасно понимаю, что в самом жестком случае оценку можно было снизить до четырех (волнение). Но этот аспирант хотел выслужиться и поставил мне 3 (он и у других снижал оценки). Потом доцент освободил его от приема экзамена. Но было поздно.

Декан предлагал мне зачисление кандидатом в студенты (было тогда такое понятие). А зимой сдать сессию вместе со студентами и быть зачисленным в вуз. Но кандидатов забирали в армию (мне в сентябре исполнялось 18 лет). Я вернулся в Рыбинск с документом о сдаче экзаменов в Горьковский университет. В Рыбинском институте был небольшой недобор на специальность «Машины и технология литейного производство», куда я и поступил.

Между прочим, в Горький мы ездили с другом. Он поступал в институт иностранных языков на отделение переводчиков. Но не поступил, хотя единственный написал сочинение на вольную тему на пять. Может, сыграл такой эпизод: на консультации перед экзаменом разбирали произведение Горького «Песнь о соколе». Преподаватель утверждал, что сокол это олицетворение революционера. Леша не терпел фальши и при всех доказал, что сокол – это нехороший эсер. Отслужив армию, Леша все же поступил в тот вуз, причем на то же отделение переводчиков, с перспективой работы за границей. На это отделение в то время брали только 10 человек. Кстати, после вуза он действительно работал за границей.

Леша мало рассказывал о своей работе (службе?) за границей. Связано с ГРУ. Я знал, что он был в Африке, некоторое время работал в Анголе и… Рядом держал автомат.

Когда он приезжал в Россию я видел у него в то время невиданные мной немецкие марки. Однажды, по возвращению, они с другом посетили ресторан Прага. Там заказали шампанское, а на закуску соленую селедку (очень соскучились по этой пище). Официант офонарел от такого сочетания. На одной из фотографий, сделанной в Африке Леша стоял, держа в одной руке подводное ружье, а в другой приличного размера барракуду.

Напоминаю старый анекдот. Над африканскими джунглями сбивают вертолет со смешанным экипажем: русские пилот и переводчик, остальные негры. Вождь группы оппозиционных негров распоряжается: этого на завтрак, этого на обед, а этого на ужин. Он указывает на африканцев: «А этих – он показывает на русских переводчика и пилота – не трогать. Я учился с переводчиком в институте международных отношений им. Патриса Лумумбы».

Оказалось, что этот анекдот имел вполне реальную основу. Действительно один вертолет упал в джунгли. Экипаж захватили повстанцы (Против чего повстанцы? Не помню.). Негров расстреляли, а с русским пилотом и переводчиком пили водку и закусывали (может бананами). Между прочим, командир негритянского отряда действительно учился в МГИМО.

Ира поступала в торговый техникум в Кинешме, но у нее тоже не получилось. Она приезжала ко мне в Горький.

И вот, верьте, не верьте, но все сложилось так, как сложилось – мы вместе. Но было еще кое-что. Об этом позже.

Во время учебы в РГАТА я подрабатывал электриком в Рыбинском театре. Но это длилось меньше двух семестров. Ведь в театре надо было работать не только вечером, но и днем (репетиции, подготовка к вечерним спектаклям и т.п.).

Однако вернемся к моей учебе в РГАТА. Учился шаляй-валяй, но каким-то образом держался по оценкам немного выше середины по группе. Я не представлял себя литейщиком на заводе и после каждого семестра пытался перевестись в только что открытый Ярославский государственный университет (ЯрГУ).

Но свободных мест в ЯрГУ первоначально не наблюдалось. Наконец, после окончания 3-го курса в РГАТА мне удалось перебраться в университет. Этому помог мой отец. Он был по делам в Ярославле в театре им. Волкова, зашел к проректору по науке ЯрГУ и сказал, что у него есть сын, который мечтает стать физиком. Проректор ответил: пусть приезжает, «будем посмотреть».

Я помчался в Ярославль. После серьезного разговора с проректором (тут вспомнилось, что я уже не первый раз хочу перевестись в университет) мне дали согласие на перевод. Вернувшись в Рыбинск, я пошел к ректору (в то время им был Силин) и попросил дать мне разрешение на перевод в ЯрГУ. Силин рассвирепел. Он посмотрел мои оценки и сказал, что я три года получал стипендию и должен был стать хорошим литейщиком, но незадолго от окончания учебы (осталось всего 2 курса) решил предать родной вуз. Короче, перевода я тебе не дам. А дело в том, что если бы я отчислился и заново поступил в новый вуз, то мне прямая дорогой на два года в армию. Второй отсрочки не будет. Если же есть перевод, то считается, что я не прерываю обучение. Я опять помчался в Ярославль (в то время я за день мотался на «Метеоре» по Волге дважды по маршруту Ярославль-Рыбинск»). Проректор сказал мне: отчисляйся по собственному желанию, а в ЯрГУ мы тебе оформим перевод. Дело в том, что в то время ЯрГУ давали многие негласные полномочия. Сам ЯрГУ задумывался как источник подготовки классных специалистов для Ярославской области. Проректор университета предупредил, что я могу перевестись только на второй курс (разница в программе). Я в спешке написал заявление на отчисление по собственному желанию и пошел к Силину. Силин был зол, но сделать ничего не мог (я, конечно, не говорил ему о договоренности с проректором ЯрГУ). С подписанным заявлением я направился к декану. Евстафий Степанович прочитал мое заявление, посмотрел на меня и ехидно спросил: «А кто же отчисляется?». Дело в том, что в запарке я написал: «Прошу отчислить меня по собственному желанию». Но не поставил свою фамилию. Силин со злости заявление не прочел. В общем, пришлось переписывать заявление и опять идти к ректору. Вы понимаете, как он меня встретил!!! Но все закончилось хорошо, и я официально значился, что был переведен с 4-го курса РГАТА на второй курс физико-математического факультета ЯрГУ.

Из учебы в РГАТА мне особенно запомнилось несколько эпизодов. Когда мы сдавали зачет по электронике, одним из вопросов был вопрос о p-n переходе в полупроводниках. Никто из нашей группы, включая отличников, не смог раскрыть физику этого перехода. Я этот материал не учил, но каким-то образом сочинил на ходу физику перехода, и она оказалась правильной. Только я и получил зачет. Еще эпизод. Сдавали коллоквиум по теоретической механике. Я снова плохо готовился и начал что-то придумывать. Доцент Могильницкий, повертев листок с моим ответом, весело сказал, что у меня феноменальная двойка. Через две недели я пересдал коллоквиум. На сей раз, Могильницкий сказал, с уважением, что теперь у меня феноменальная пятерка. На экзамене по теоретической механике я решил задачу, которую никто из студентов не мог решить. Причем решил способом, которому удивился преподаватель. Еще помню, что был единственный, кто получил пять баллов по начертательной геометрии. У меня тогда было хорошее пространственное воображение. Преподаватель так и сказала, что с теорией плохо, но задачи (и дополнительные) я решил все. Конечно, при несерьезном отношении к учебе в РГАТА, я получал и двойки. Например, я с трудом пересдал сопромат. А из-за

марксистко-ленинской философии я чуть не вылетел из вуза с «волчьим» билетом. Меня интересовал диалектический материализм в области, связанной с физикой. исторический материализм я игнорировал. Однажды я пропустил несколько семинаров, а их надо было отрабатывать. Но в это время у меня возникло несколько вопросов по диамату. Я пришел на отработку, честно сказал преподавателю, что отработаю в следующий раз, а сейчас у меня есть вопросы по диамату. Препод меня прогнал, он решил, что я выпендриваюсь и обещал завалить меня на экзамене и, заодно, на пересдаче. А вылететь из вуза из-за марксистко-ленинского предмета в то время было… Но на мое счастье экзамен по философии был последним. Остальные я сдал и пошел в деканат, чтобы получить разрешение для досрочной сдачи экзамена, так как я уезжаю с родителями на гастроли. Мне дали допуск, и досрочно (опять на 4) сдал экзамен милой старушке, которая любила поговорить о любви. Ребята из группы рассказывали, что препод, который должен был принимать экзамен у меня, был в бешенстве. На экзамен по Теории вероятностей я опять практически не готовился. Теплое лето, отдых на Волге с приятелями. За час до экзамена лихорадочно пролистал чужие лекции (своих в РАТИ у меня не было) и опять единственный, кто решил все задачи и вместо пары получил четыре.

Но эпизод был мне полезен: больше никогда я не задавал вопросов о марксисткой, короче, той философии.

Однако хочу заметить, что философию любил. Не школьную и не институтскую. Хотя понимал, что я, конечно, не философ. Впрочем, в нынешнее время философы в той или иной степени социологи. И это не их вина. Во времена Ломоносова знания о природе были ограничены… Сейчас, и это правда, кем-то похожим на философа может стать физик или математик.

В период учебы в РГАТА я ходил в зимние походы. Первый раз это был поход по лесам и замершим озерам Карелии. Профсоюз выделил несколько путевок на турбазу вблизи Петрозаводска. За неделю мы прошли десятки километров, побывали на водопаде Кивач, ночевали в зимовьях. Обтирались по утрам снегом. В один из самых первых дней похода, упав в снег, я обнаружил перед собой какие-то продукты. Еще раз, упав, я опять обнаружил банку тушенки. Решил, что кто-то, впереди идущий, «маркирует» трассу. После третьего падения, я обнаружил перед носом собственные запасные ботинки. Но зато, в дальнейшем, я научился грамотно собирать рюкзак. По окончанию похода полагалось попариться в финской бане и искупаться в проруби. Мороз был около 30 градусов. Я побаивался. Но оказалось, что когда распаренное в бане тело погружается в воду нулевой температуры на время в пару минут, то холод практически не чувствуется. Однако невдалеке проходила женская группа, которая, хихикая, посматривала на нас.

Второй поход на Урал был самодеятельным. Мы перевалили Уральские горы на уровне ближе к полярному Уралу. Меня пригласили в группу из шести человек опытных туристов. В Перми мы отметились в местном туристическом клубе и отправились на небольшом поезде по узкоколейке к месту высадки. Ночь мы провели на маленькой станции. Мороз ночью был 51 градус. Утром потеплело (немного холоднее 40). Местный шофер из лесозаготовок подбросил нас ближе к предгорьям. Причем получилось сэкономить целый день. Но подниматься мы начали во второй половине дня. Прошли леса, поднялись выше. На открытых склонах дул приличный ветер. Казалось бы, при 43—44 градусов мороза, относительно легко одетые (чтобы не мешать движению), мы должны были заледенеть. Но молодые организмы «бежали» быстро, и разгоряченные тела не чувствовали холода. Голову и лицо закрывали «фантомаски» (наподобие тех, что носят спецотряды). Однако уже было темно, ни зги не видно (в общем, ни хрена не видно). Ночевать на открытом месте и без костра это самоубийство. Решили возвращаться в лес. Но в это время увидели пламя (метрах в двухстах выше). Уральские горы пологие, это не крутизна Кавказа. Костер горел рядом с зимовьем в специально вырытой яме. В зимовье обосновались две группы. Одна из двух профессионалов из Свердловска, другая не помню из скольких человек, из Киева. Профессионалы решили за пару выходных дней и пары отгулов

размяться и пробежаться налегке через горы. Люди из Киева были упакованы весьма тепло и тяжело. У нас возникло опасение, что они могут не дойти.

Нары были плотно заняты, а я не люблю спать в тесноте, так что спал в спальнике под нарами, причмокивая от сонного удовольствия.

На следующий день обе группы ушли, а мы остались передохнуть. Рано утром следующего дня выдвинулись и мы. К позднему вечеру мы были на другой стороне перевала в очередном зимовье. Ребят из Свердловска не застали (что естественно), не обнаружили и киевлян (что наводило на нехорошие мысли). На следующий день катались на более чем километровом относительно пологом склоне. И тут один из нас (Игорь) при падении вывихнул руку. Причем вывих очень серьезный. Пришлось остаться. На следующее утро двое из нас, самые крепкие и быстрые, побежали за подмогой в поселок на восточном от нас склоне гор (около сорока километров). Игоря ночью по очереди поддерживали, чтобы он мог хотя бы немного вздремнуть, опираясь на соседнее плечо. Игорь вел себя мужественно (хоть это и выспренно звучит), несмотря на боль. Через день мы услышали стрекот винтов. Рядом приземлился вертолет с медиком. Мы отправили на нем Игоря, одного из тех, кто бегал за подмогой (он стер ноги) и единственную женщину, которая была с нами, в Пермь. На следующий день мы должны были пройти больше 30 километров до лесозаготовок. От них до поселка оставалось всего километров 7. В наших рюкзаках оставался лишний груз. Это было спиртное, которое мы взяли как НЗ на всякий случай. Мы им не пользовались. Выбрасывать было жалко, тащить тяжело, и мы его приговорили. На следующий день через час похода через зимнюю тайгу и при наличии молодых здоровых организмов, похмелье сдалось и покинуло нас. Мы прошли через лес, и пошли по замерзшей реке. И это оказалось (по крайней мере, для меня) тяжелее. В тайге постоянно напряжено внимание, а монотонное скольжение по ровной поверхности с относительно небольшим слоем снега здорово выматывает. К вечеру добрались до лесозаготовок, переночевали в избушке рабочих. Перед сном я впервые услышал от одного из наших поэму Баркова «Лука Мудищев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.